

869 воздушных боев, сбили 273 и повредили 80 немецко-фашистских самолетов, уничтожили значительное количество живой силы и техники противника.

Может показаться, что на самом деле французские асы сбили не так уж и много самолетов, например, капитан Марсель Альбер – 23, майор Жан Е. Ф. де Мозай – 23, но на самом деле каждый из сбитых самолетов требовал много усилий, терпения и огромного боевого опыта не только самого летчика, сидящего за штурвалом, но и механиков, обслуживающих машину, поэтому можно с уверенностью сказать, что помощь французских товарищей Красной армии, в частности Военно-воздушным силам, особенно в летний период 1944 года, когда активно шли бои по освобождению Беларуси, неоценима. В СССР хронически не хватало обученных пилотов, и прибытие, по сути, профессионалов своего дела увеличило показатели по части сбитых самолетов. Стоит отдать отдельную дань уважения героям-летчикам авиаполка «Нормандия–Неман», ведь они сражались вдали от Родины, на чужой неизвестной земле, все ради достижения одной общей цели: победы над фашистами и недопущения дальнейших зверств гитлеровцев на всех территориях.

Список использованной литературы

1. Де Жоффри, Ф. Нормандия–Неман: воспоминания лётчика = de Geoffre F. Normandie–Niemen. Souvenirs d'un pilot. – Р. : Editions Andre Bonne, 1952 / пер. с франц. Г. П. Загrevского. – Изд. 2-е. – М. : Воениздат, 1982. – 176 с.

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ РИМСКИХ ВОИНОВ-ОТПУЩЕННИКОВ

Мовчан Даниил (УО МГПУ им. И. П. Шамякина, Беларусь)

Научный руководитель – С. В. Телепень, канд. ист. наук, доцент

Тема социальной мобильности римских воинов имеет немаловажное историческое значение. В ней содержится важная часть социальной динамики и социальной мобильности во всем римском мире [1, р. 249].

Во время цензуры в 47–48 году эквит Флавий Прокул подал в суд на Клавдия, обвинив его в освобождении 400 рабов. Суть обвинения заключалась в том, что вольноотпущенники незаконно использовали золотые кольца (*anuli aurei*), создавая в общественности впечатление, что они являются римскими всадниками [2, р. 217]. Клавдий отреагировал на это обвинение жесткими наказаниями; имущество обвиненных вольноотпущенников было конфисковано [3, р. 812].

Этот инцидент ясно показывает различные социальные факты. Во-первых, среди (вероятно, в основном городских) освобожденных рабов было много тех, чье состояние по крайней мере равнялось всаднической переписи. Ведь если бы они не могли создать общее впечатление, что они обладают по крайней мере минимальным состоянием, они бы сами раскрыли себя, носив золотое кольцо. Но поскольку, очевидно, большое число вольноотпущенников, по крайней мере, частично соответствовали юридиче-

ским критериям, по которым определялась принадлежность к привилегированному классу, некоторые искали способы фактически обойти эти юридические барьеры. Узурпация статуса без соответствующих прав была одним из средств присвоения статуса.

Несколько лет после цензуры Клавдия, в 56 г. н. э., в Сенате произошли дебаты о мошенничествах вольноотпущенников. Сенаторы требовали права для патронов отменять освобождение в случае неблагодарности вольноотпущенника. Отчет консулов об этом единодушном мнении в Сенате привел к спорной дискуссии в совете императора. Было заявлено, что группа лиц «освобожденные» была многочисленной. Из них набирались члены трибун, городских декурий, служащие для магистратов и священников.

Эта дискуссия была оценена по-разному. Например, Р. Сайм считал: «верить в это – значит не в полной мере оценить искусство историка, который использует речи для драматизации персоны или раскрытия темы, претендует на полную свободу и достигает правдоподобия, добавляя то, что обычно содержат речи: то есть искажение и обман» [4, р. 612]. С другой стороны, Фр. Виттингхофф подчеркивал, что Тацит в дискуссии не мог бы высказать это мнение о происхождении, если бы, по крайней мере, в ряде случаев потомкам освобожденных рабов не был открыт путь в Сенат, и еще больше людей, конечно, во всадники. В конечном итоге, понимание того, что Тацит сводится к вопросу о том, каким образом и в какой степени освобожденные рабы и – что гораздо важнее – их потомки принимали участие в социальной мобильности в Римской империи, именно в смысле обновления высших приказов; ведь нарисовать происхождение у Тацита вряд ли означает, что во многих случаях освобожденные рабы непосредственно получали доступ к приказам.

Вопрос о бывших рабах или их потомках во всадниках был поставлен в той или иной форме многократно; частные аспекты были исследованы, например, А. Штейном и в последнее время, прежде всего, С. Демуженом [3, р. 650; 5, р. 105]. Тот факт, что мы не можем прийти к основательному и ясному ответу, имеет свою вполне понятную причину. В римском обществе существовал основной консенсус о том, что вольноотпущенники должны занимать подчиненное место и не должны быть на одном уровне с римскими гражданами, рожденными свободными. Однако если вольноотпущенник все же смог преодолеть подчиненное положение, то он обычно должен был рассчитывать на общественное отторжение, по крайней мере, если это было возможно с точки зрения власти. Несмотря на то, что ни один из сенаторов открыто не противостоял необычной почести, оказанной могущественному императорскому вольноотпущеннику Палласу в 52 году. Но реакции, например, у Плиния Старшего, Плиния Младшего и у Тацита показывают, как было распространено или даже общепринято естественное отношение к такому пересечению границ. Это означает, что социально-политический подъем у людей, таких как Гн. Помпей Менас, М. Антоний Паллас, Т. Флавий Хормус или М. Аврелий Клеандр, через литературные источники без того, чтобы при этом всегда ясно проявлялась точная юридическая ситуация [6, р. 573].

Это еще больше относится к потомкам освобожденных рабов. Ведь они не были заинтересованы в том, чтобы громко пропагандировать свое происхождение от вольноотпущенника. Хотя были и отдельные лица, которые не боялись это делать. Например, С. Тораний, народный трибун в начале августинского времени даже частично заслужил признание, потому что позволил своему отцу, бывшему рабу, занять место на трибунской скамье [7, р. 214]. Но в общем такое происхождение не подчеркивалось, возможно, даже скрывалось. Большая часть источников, в которых могут быть упомянуты лица, происходящие от вольноотпущенников, состоит из надгробных надписей; в редких случаях могли быть упомянуты в публичных памятниках. Но если не было каких-то особых обстоятельств, бывший раб — отец упоминался только в филиации, возможно, социально успешного сына. Обычно в надгробной надписи всадника можно узнать, что его отец сам был только освобожденным рабом. Но чем дальше потомки отдалялись от распутника (*libertinen*) предка семьи, тем меньше можно ожидать прямого указания на это первоначальное происхождение. Это, однако, почти неизбежно означает, что мы можем найти информацию об этих социальных изменениях положения в наших источниках, по крайней мере, прямо, только редко [8, р. 353].

Косвенные данные о происхождении членов всадников от освобожденных рабов в эпиграфическом материале встречаются чаще. Во-первых, это название трибы Палатин (и Коллин), а также имена людей, которые происходят от предоставления гражданских прав императором, что, по крайней мере, если это люди из Рима и Италии, то должно указывать на освобождение одним из правителей.

Сами вольноотпущенники хотя и принадлежали к какому-то трибу, но обычно не указывали это в своих надписях. Их сыновья, однако, чаще всего указывали Палатин или Коллин в своей номенклатуре. С другой стороны, поскольку большинство ведущих семей все больше происходило из городов Италии и провинций, маловероятно, что было много старых городских римских семей, которые все еще были записаны в городские трибы только со времен Августа достигли социального подъема во всадниках.

Таким образом, можно сделать вывод, что многие из людей, которые ведут трибы, происходят от предка, который когда-то был рабом, а затем был освобожден. Однако следует также учесть, что триб, очевидно, можно было изменить. Таким образом, если Палатин (и Коллин), возможно слишком сильно указывали на неблагородное происхождение, то чаще должны были предприниматься попытки от него отделиться.

Многие люди с трибами Палатин и Коллин все же известны, среди них немало людей с высоким социальным статусом. Например, в Просопографии Х. Девивера можно найти общее количество 55 всадников, которые принадлежат к одному из этих двух трибов, в PIR насчитывается около 30 всадников с одним из этих двух трибов, а также 19 сенаторов. Они также должны быть рассмотрены здесь, поскольку, как правило, принятию в Сенат предшествовала принадлежность ко всадникам (PIR² A 217; 406; 1188; PIR², A, 396; 631)

При проверке этих случаев трудно получить что-то более-менее определенное о социальном происхождении этих людей, поскольку существующие документы обычно не дают дополнительных заявлений об этом, кроме трибы.

Список использованной литературы

1. Vittinghoff Fr. 1990: Handbuch der europäischen Wirtschafts und Sozialgeschichte. Band 1 (Köln 1990), Stuttgart, p. 805.
2. Demougin S. 1984: «De l'esclavage à l'anneau d'or du chevalier», Des ordres à Rome. Paris. p. 217-242.
3. Demougin S. 1988: L'ordre équestre sous les Julio-Claudiens (43 av. J.C. – 70 ap. J.C.) Collection de l'École Française de Rome. p. 923
4. Syme R. 1958: Tacitus II. Oxford University Press, Oxford, p. 856
5. Stein A. 1927: Der Römische Ritterstand, ein Beitrag zur Sozial- und Personengeschichte des Römischen Reiches. p.503
6. Demougin S. 1992: Prosopographie des chevaliers romains julio-claudiens, Collection de l'École Française de Rome, Rome, p. 715.
7. Werner Eck, Heinrichs J. 1993: Sldaven und Freigelassene in der Gesellschaft der römischen Kaiserzeit, Nr. 330. Darmstadt, p. 214.
8. Demougin S. 1994: À propos des élites locales en Italie, in L'Italie d'Auguste à Dioclétien. Rom. p. 353.

ДРЕВНЕРУССКАЯ ИКОНА

КАК ИСТОЧНИК ДУХОВНОСТИ И ПАТРИОТИЗМА

Невмержицкий Артем (УО МГПУ им. И. П. Шамякина, Беларусь)
Научный руководитель – Т. Н. Сыманович, канд. пед. наук

Икона в жизни православного христианина занимает очень важное и особое место. Она является неотъемлемой частью вековой традиции, без которой невозможно представить православный храм или дом верующего и его повседневную жизнь. Православные теологи называют иконы «богословием в красках» и видят в них средство направления мыслей и чувств верующих к «божественному». Икона не только прекрасно украшает храм, но также просто и лаконично раскрывает перед молящимися основные положения христианской веры – о Боге как Творце, Христе как Спасителе, единстве небесной и земной Церкви. «Библия для неграмотных» рассматривается не как предмет, равный Богу, но как символ, который позволяет духовно приблизиться к Богу [1].

Создание русской иконописной традиции началось в XII веке, когда отечественные мастера проходили обучение у византийских художников. Иконописец редко указывал свое авторство на создаваемых произведениях придерживаясь особой этики: важно не имя автора, а предмет его изображения. Иконы самого раннего периода отличаются скромностью изобразительных методов и скромным цветовым колоритом, что приближало их к византийским образцам. Одними из самых первых отечественных икон являются изображения Святого Георгия: одно в полный рост, другое полуфигурное. Его чтят как покровителя военного дела и героя. В правой